

Чернышёва Е.В.
(Челябинск)

**Особенности изучения земской интеллигенции
в советской историографии 1920-х гг.**

Исследователь истории формирования и деятельности земской интеллигенции во многом зависел как от обстановки, складывавшейся в России на том или ином этапе развития исторической науки, так и от уровня развития самих исследований по теме. Весьма интересным в плане обновления источниковой базы исследований, изменений в проблематике работ, становления традиций советской историографии является период 1920-х годов. Государственное руководство историческими исследованиями в эпоху НЭПа только начинало набирать силу, а партийный диктат еще не успел сковать творческую мысль исследователей. Историки еще не освоили в полной мере наследия В.И. Ленина и цитаты из его трудов не стали неотъемлемым атрибутом сочинений советских авторов. Нельзя не согласиться с Р. Пайпсом, который пишет, что «в первое десятилетие большевики проявляли по отношению к творческой деятельности терпимость, какой не выказывали ни в экономике, ни в политике». Одну из причин этого Р. Пайпс видит в «мягкости характера» А.В. Луначарского, который руководил Наркомпросом РСФСР до 1929 г. (1).

Примечательно, что разработка истории земской интеллигенции в советской историографии оказалась в лучшем положении, чем история самого земства, упраздненного в 1918 г. Seriously изучать земское самоуправление советские историки начали только со второй половины 1950-х годов, в то время как публикация работ, раскрывающих ту или иную грань хозяйственно-культурной и общественно-политической деятельности земской интеллигенции, не была прервана 1917 г. Заслуга в этом принадлежала В.И. Ленину, который оценил роль земских служащих в практической деятельности земств как выдающуюся и указал на их бесправное положение при самодержавии (2). В период борьбы за власть большевики рассматривали земских служащих, особенно, самую массовую и малообеспеченную их часть – учителей, как один из объектов своих политических манипуляций (3). Тем не менее, отношение советской власти, историков-марксистов к земской интеллигенции носило двойственный характер (впрочем, как и отношение самой

интеллигенции к большевикам), что оказало существенное влияние на содержание, направление и масштабы изысканий, посвященных изучению ее деятельности.

Приход к власти В.И. Ленина и его команды был воспринят многими представителями земской интеллигенции отрицательно. И Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, в составе которого было немало земских медиков, и Всероссийский учительский союз, объединявший значительное число земских учителей, и «рядовые» земские служащие на местах саботировали действия советской власти, «проявляя полное непонимание классового взгляда пролетариата» и помогая «буржуазной контрреволюции». 15 ноября 1917 г. А.В. Луначарский в своем обращении «К учащим» прямо обвинил учителей, а вместе с ними и все интеллигенцию в том, что они с ненавистью восприняли «героическую попытку пролетариата на краю гибели создать сильную, глубокую народную власть», с нетерпением ожидали бедствий для страны и готовы были «вместе с Милюковым... предпочесть поражение продолжению великой народной революции, с Рябушинским – нетерпеливо ждать костлявой руки голода» (4).

Неприятие Октябрьской революции частью земской интеллигенции привело к тенденциозно-неприязненному освещению ее позиции в ряде работ 1920-х гг., а затем и к умалчиванию фактов, требующих анализа. Одной из первых публикаций, посвященных учительству, была вышедшая в 1919 г. брошюра В.И. Богданова (5). В ней содержался полный набор обвинений в адрес образованных после февраля 1917 г. многочисленных организаций и объединений педагогов, других отрядов интеллигенции, ставших после прихода к власти большевиков, по мнению автора, очагами антисоветского сопротивления. Он высоко оценивал действия Совнаркома и Наркомпроса, направленные на слом старой контрреволюционной образовательной системы и «перековку» буржуазных специалистов.

Однако в рядах земской интеллигенции были деятели, разделявшие уже в 1890-е гг. марксистскую идеологию и участвовавшие в революционном движении на стороне социал-демократов. В 1918 г. и позднее, когда победа РСДРП (б) стала очевидной, на сторону советской власти перешло значительное число бывших земских служащих и так исповедовавших социалистическое мировоззрение, правда больше в народнической интерпретации, но «осознавших свои заблуждения» и готовых к сотрудничеству с

советами. Пока не сформировалась новая советская интеллигенция, большевики принимали таких «спецов», широко используя их опыт и знания в деле организации медицинской помощи, статистики, народного образования и не препятствовали публикации их научных работ и воспоминаний (6).

Советскую историографию земской интеллигенции 1920-х гг. отличали ряд особенностей. Во-первых, резко сократилось общее количество публикаций, по сравнению с дореволюционным периодом, в которых затрагивались вопросы, связанные с рассмотрением деятельности земских служащих. История самого земства вообще оказалась «белым пятном». Отношение советской власти к этому «буржуазному учреждению» кратко выразил Л.М. Каганович, указав, что в земствах всегда преобладало дворянство, они подчинялись губернатором, поэтому их даже нельзя сравнивать с советским самоуправлением, которое «есть всеобъемлющая форма государственной власти типа Парижской Коммуны» (7).

Во-вторых, сохранялся определенный плюрализм в освещении общественной и культурной деятельности земских служащих. Наряду с публикациями, выполненными в рамках марксистской парадигмы, в это время увидели свет работы, основанные на традициях дореволюционной народнической историографии. Их авторы являлись бывшими земскими служащими (учителями, врачами, статистиками, фельдшерами, агрономами), которые признали советскую власть и работали в советских учреждениях. В своих публикациях они спешили сохранить для истории бесценный опыт своей службы в земстве, раскрыть общественные и нравственные идеи и представления, направлявшие их на «общественную службу», рассказать о своих товарищах, об устройстве своего быта и т.д. Появились первые биографические работы (8). Характерно, что авторы позиционировали себя как «народники» только применительно к 1870 – 1880-м гг., повествуя о более позднем времени, они предпочитали не конкретизировать свои политические симпатии, ограничиваясь оценкой своих общественных воззрений как «социалистических» и «революционных», или вообще не касаясь этой темы. Для многих работ свойственно подчеркнуто негативное отношение их авторов к самодержавию и к православной церкви, а также попытки показать связь земских служащих с движением социал-демократов и описать «заботу» служащих о промышленных рабочих (земские статистики изучали условия их труда, земские врачи

лечили, учителя учили и т.д.). В свете того, что деятельность земских учреждений и земской интеллигенции всегда ориентировалась на крестьянство, подобные пассажи были явной данью авторам духу времени.

В-третьих, произошла глубокая дифференциация исследований по проблеме земской интеллигенции. Если в дореволюционное время представители основных течений в отечественной историографии (консервативного, либерального, демократического) рассматривали земскую интеллигенцию («третий элемент») как особую социально-профессиональную общность, объединенную сходным мировоззрением и общественной практикой, то в 1920-е гг. авторы стали изучать каждый из профессиональных отрядов земской интеллигенции отдельно, но вместе с другими неземскими работниками схожих специальностей. Это, естественно, нивелировало земскую интеллигенцию, умаляло идейные принципы ее идентификации, на чем так настаивали дореволюционные исследователи (9). Более того, мы практически не встречаем в работах сам термин «третий элемент», да и относить земских служащих к «интеллигенции» советские авторы в 1920-е гг. не стремились. И это не случайно.

Отношение советской власти к интеллигенции показывает работа А.В. Луначарского, в которой он выразил мысль, что при социализме такая разновидность как интеллигент должна вообще исчезнуть и призвал пролетариат быть внимательным, чтобы к его революционной победе не примазались «проституты интеллигенции», которые несут с собой «порядочный разврат» (10).

Произошедшая «профессионализация» изысканий, связанных с освещением деятельности земских служащих более всего благоприятствовала разработке истории земского учительства. Из опубликованных в 1920-е гг. нескольких десятков монографий, в которых рассматривалась общественная и хозяйственная деятельность земских служащих, более половины была посвящена учителям. Очевидно, это объяснялось развернувшейся в стране кампанией по борьбе с неграмотностью, и поиском наиболее дешевого варианта ее проведения. Кроме того, руководители государства были убеждены, что именно народные учителя составляют ту значительную часть старой российской интеллигенции, которая в наибольшей степени готова к сотрудничеству с новой властью и обладает авторитетом в массах.

В это время четко определились два направления в исследовании интересующей нас проблемы: учительство в революционном движении (11) и школа в революции 1905 – 1907 гг. Публикации, имевшие отношение ко второму направлению, описывали участие учительства в революционных событиях и принципы организации народного образования, выдвинутые в ходе их (12). Работы в основном были написаны в честь двадцатилетия первой русской революции. Тогда же положено было начало изучению жизни учительства в различных регионах страны. Появились публикации, характеризующие развитие учительского движения начала XX века в Казанской и Владимирской губерниях, на Урале, в Москве и Петрограде (13). Как казалось, написаны они были по общей схеме. В них отражалось тяжелое материальное положение учителя, говорилось о склонности педагогов, наряду с прочей интеллигенцией к поддержке наиболее реакционных сил в ходе революции 1917 г., подчеркивалась забота новой большевистской власти о народном учителе.

Помимо линии на обвинение учительства, в 1920-е гг. в советской историографии стал утверждаться миф о том, что народное учительство все же было в основе своей настроено просоциалистически и поддержало Октябрьскую революцию, в отличие от ненародных преподавателей средней школы, земской буржуазии, государственных чиновников и пр. Во многом этому способствовали публикации Н.В. Чехова – одного из видных деятелей российского просвещения начала XX века и Н.А. Малиновского (14). Заметим, что ни тот, ни другой автор в дореволюционные годы не ориентировались на большевиков и были скорее выразителями настроений эсеров и меньшевиков.

Принципиально новым направлением в изучении общественной деятельности земских служащих, затронувшим, правда, только учителей и фельдшеров, стала разработка истории их профсоюзного движения. Толчок этому был дан со стороны государства. В начале 1924 г. Истпроф ВЦСПС провел дискуссию об истоках профсоюзного движения в России, которая стимулировала написание многочисленных работ по истории профессионального движения различных групп служащих. Самым крупным стало исследование П.А. Калинина, которое вообще является единственным серьезным научным трудом в отечественной историографии, освещающим

историю общественной деятельности земских фельдшеров, ее цели и задачи, персональный состав (15).

Итак, исследователи 1920-х гг. заложили основу изучения истории земской интеллигенции и определили тот круг вопросов, которые получили освещение в работах последующих лет: реакционность политики самодержавия в области народного образования и здравоохранения; попытки реформирования школы и медицины и их провал в дооктябрьский период; участие представителей земской интеллигенции в первой русской революции; деятельность профессиональных организаций интеллигенции; положение и быт народных учителей и медиков; борьба большевиков за интеллигенцию накануне и в период революции 1917 г.

1. Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 343.
2. Ленин В.И. «Третий элемент» // Полн. собр. соч. М., 1972. Т. 5. С. 327-335.
3. См.: Листовки петербургских большевиков 1902-1917 гг. М., 1938-1939.
4. А.В. Луначарский о народном образовании. М., 1958. С. 516-517.
5. Богданов В.И. Учителство и Советская власть. М., 1919.
6. Воблый К.Г. Статистика. Киев, 1924; Волков Е.З. Аграрно-экономическая статистика России (1865-1922 гг.). М.-Пг., 1923; Скороходов Л.Я. Краткий очерк истории русской медицины. Л., 1926; Тейтель А.В. Агрономическая помощь населению на путях своего развития: (Историко-методологический очерк). М., 1929; Варзар В.Е. Воспомяя старого статистика. Ростов-на-Дону, 1924; Якобсон С.А. История земской хирургии в Московской губернии: Очерк по истории русской хирургии. М., 1930; Фридолин С.Л. Исповедь агронома. М., 1925; Филатова А.В. Воспоминания учительницы: 1874-1907. М., 1929.
7. Каганович Л.М. Местное советское самоуправление. М., 1923. С. 11-14.
8. Игумнов С.Н. Дмитрий Николаевич Леонов и земская медицина. Харьков, 1926; Он же. Е.А. Осипов. Харьков, 1927; Бендриков К.Е. Николай Владимирович Чехов // Народное просвещение. 1927. № 3. С. 38-46.
9. См. например: Ачадов (Данилов Ф.А.) Третий элемент его значение и организация. М., 1906; Брюхатов Л.Д. Значение «третьего элемента» в жизни земства // Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 186-205; Белоконский И.П. Земское движение. Изд. 2-е. М., 1914.
10. Луначарский А.В. Об интеллигенции. Сборник статей. М., 1923. С. 10.
11. Малиновский Н.А. Народный учитель в революционном движении. М., 1926; Цветков И.Л. К истории учительского движения в России // Учитель и революция. Сборник статей и материалов. М., 1925. С. 153-178.
12. Чарнолуский В.И. Из воспоминаний об учительском союзе эпохи первой русской революции // Народный учитель. 1925. № 11; Михайловская А. Учительский союз 1905 года // Народный учитель. 1926. № 7-8.

13. Плотников А. Учитель к десятилетию Октября // Просвещение на Урале. Свердловск, 1927. № 2. С. 119–132; Каминский Г. К истории учительского движения в Казани и Казанском крае // Просвещение и жизнь. Казань. 1919. № 8-9. С. 98–107; Иванов А.И. Профессиональный союз работников просвещения Владимирской губернии (краткий исторический очерк). Владимир, 1924; Шацкий С.Т. Годы исканий. М., 1923.
14. Чехов Н.В. Народный учитель накануне революции // Просвещение на транспорте. 1927. № 10. С. 135 – 138; Малиновский Н.А. Указ. соч.
15. Калинин П.А. Профессиональное движение среднего медицинского персонала в России. Исторический очерк. М., 1927.

Шведов В.В.
(Екатеринбург)

**Участие уральской милиции в политических
и хозяйственных кампаниях
1920-х – первой половины 1930-х гг.**

1920-е – первая половина 1930-х гг. вошли в историю нашего государства как период осуществления принципиальных политических и социально-экономических изменений, сопровождавшихся заметным усилением роли государственных институтов, в том числе и правоохранительных органов.

В соответствии с действующей в рассматриваемый период нормативно-правовой базой, помимо своих прямых обязанностей по охране правопорядка и борьбе с преступностью, милиция и уголовный розыск оказывали содействие органам государственной власти «при проведении последними в жизнь возложенных на них задач» (1).

Во второй половине 1920-х гг. органы внутренних дел стали привлекать к проведению хозяйственных и политических кампаний. Мобилизационная технология в работе милиции и уголовного розыска достигает особой степени интенсивности в годы коллективизации. Циркуляром № 1/1-с НКВД РСФСР от 16 октября 1929 г. «Об оживлении работы адморганов в хлебозаготовительной кампании» и рядом других ведомственных актов, на милицию и уголовный розыск возлагались обязанности выявлять тормозящих хлебозаготовки лиц; организовывать постоянное негласное осведомление о злоупотреблениях работников заготовительных